

В. Е. Бороденко

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ОСНОВАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (конец XVIII – начало XX века)**

*Работа представлена кафедрой дореволюционной отечественной истории
Кубанского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Н. Ратушняк

В статье впервые дана периодизация основания монастырей на Северном Кавказе, названы все монашеские обители, существовавшие в дореволюционный период в регионе, а также уточнено местоположение некоторых из них.

The article is devoted to some aspects of history and mapping of monasteries in the Northern Caucasus area. The author proposes his own original version of dates of their founding, presents an ultimate list of monasteries in the Pre-Revolutionary period and also specifies geographic placement for some of them.

Монашество и монастыри являлись неотъемлемой частью церковной истории. Раннехристианское иночество являло собой высокий идеал нравственной чистоты. Монашество на Руси, сохраняя аскетическую традицию Византии, усилило евангельский элемент действенной любви, т. е. служения людям, милосердие. Уходя от мира, иноки служили ему.

Изучение истории возникновения и деятельности православных монастырей Северного Кавказа дополняет общую картину освоения этого региона. Со времени введения христианства на Руси монастыри являлись религиозно-нравственными центрами, но кроме своего главного предназначения они выполняли благотворительную, просветительскую, миссионерскую и другие функции. Последняя из перечисленных функций относилась в основном к новым территориям, присоединенными к Российской империи, с многонациональным составом населения. Именно таким был Северный Кавказ. Временами та или иная функция монастыря становилась приоритетной, в зависимости от политической ситуации.

В отечественной исторической науке, как светской, так и церковной, эта тема не была предметом специального исследования. В досоветской историографии первые монастыри Северного Кавказа упомянуты в справочно-статистических изданиях начала XIX в., таких как «История Российской иерархии» и «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях...»¹.

Справочный характер носят работы П. М. Строева, В. В. Зверинского, Л. И. Денисова и др., вышедшие в конце XIX – начале XX в.² В них не только перечислены почти все обители региона, но даны более подробные сведения, чем в изданиях предыдущего периода. В этих работах констатировался факт создания монастыря, указывалось его точное местонахождение, численность насельников и некоторые интересные события из истории обители.

Всестороннее описание отдельных монастырей Кубанской, Терской областей и Ставропольской губернии дается в «Кавказских-Ставропольских епархиальных ведомостях» (с 1870-х) и «Владикавказских епархиальных ведомостях» (с 1886 г.). Кроме публикаций в местных изданиях материал о Северо-Кавказских монастырях размещался и в столичной периодической печати, например, в «Церковных ведомостях», «Московских ведомостях» и др. В 1890-х гг. вышла в свет работа игумена Серафима «Древнехристианские храмы и Св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь...»³, выдержавшая три издания.

Особого внимания заслуживают работы А. Воскресенского, объединенные в своеобразную серию под общим названием «Из путевых заметок паломника»⁴. В 1908 г. отмечалось 20-летие его церковно-писательской деятельности. Он издавался под мирским именем, А. Воскресенский, в действительности же был иеромонахом Оранского Богородицкого монастыря Нижегородской губернии о. Димитрием и выполнял писательское послушание. А. Воскресенский вынашивал идею описания монастырей юга Российской империи, и в частности Северного Кавказа. С этой целью он совершал паломничество в обители и жил в них некоторое время, наблюдая жизнь в монастыре, беседуя с насельниками и насельницами. Обширный материал, собранный в результате таких путешествий, должен был лечь в основу работы «Святые Северного Кавказа». Октябрьские события 1917 г. помешали осуществлению задуманного.

В начале 1990-х гг. исследователи истории Северного Кавказа вновь обратились к изучению вопросов религии и Церкви. Историки и краеведы Кубани и Ставрополя публиковали статьи по этой тематике в сборниках научных трудов и периодической печати.

Создание монастырей на Северном Кавказе пришлось на судьбоносный период в истории Русской православной церкви –

синодальный (правильнее сказать – синодский). Судьбоносным он стал и для российских монастырей. Петровские преобразования Церкви были завершены Екатериной II, введением Монастырских штатов в феврале 1764 г.⁵ По ним обители делились на три степени: 1, 2 и 3-го классов. В результате было закрыто значительное количество монастырей. Оставшимся монастырям, в зависимости от степени, определялся размер земли, монашествующим устанавливалось годовое жалованье из государственной казны. Хозяйство в них предписывалось вести силами самих монахов и послушников. Монастыри, не получавшие казенного содержания, причислялись к заштатным. Земля, отобранная в результате этих мероприятий, отходила в пользу государства, а монастырские крестьяне, работавшие на ней, переводились в разряд государственных. Можно сказать, что во второй половине XVIII в. завершился процесс складывания монастырской системы в России, которая предполагала достаточно четкую структуру управления и определенную иерархическую подчиненность. К середине XIX в. была окончательно выработана правовая база, определившая юридическое положение монастырей, их насельников и насельниц.

Северо-Кавказские монастыри учреждались на существовавшей правовой основе по образцам уже созданных таким образом монашеских обителей Российской империи. Церковная реформа Екатерины II коснулась единственного на тот момент в регионе Крестовоздвиженского монастыря в крепости Кизляр. Процесс создания монастырей Северного Кавказа можно разделить на четыре периода:

1) начальный период – 1730-е – 1790-е, связан с основанием первых четырех монастырей: три мужских и один женский. Первым из них, как отмечалось выше, являлся Кизлярский Крестовоздвиженский мужской монастырь, основанный приблизительно в 1736 г. Он был создан грузинскими монахами при всесторонней помощи рос-

сийского правительства с целью распространения православия среди осетин и других народов Северного Кавказа. Первое время в нем располагался миссионерский стан – «Осетинское Подворье». Крестовоздвиженская обитель долгое время являлась единственным форпостом православия в регионе. В 1793 г. одновременно с организацией Моздокско-Маджарской викариальной епархии были устроены два общежительных монастыря: Преображенский мужской и Успенский женский. Главной функцией этих монастырей также была миссионерская деятельность. Через шесть лет обе обители упразднили вместе с викариатством в результате очередных административно-территориальных преобразований в стране.

С переселением Черноморских казаков на земли, пожалованные Екатериной II, возникла необходимость создания мужского монастыря. В 1794–1795 гг. стала устраиваться казачья, сословная, Екатеринолебяжская Свято-Николаевская мужская пустынь. Она выполняла иную функцию – благотворительную, давала приют увечным, престарелым казакам. Большинство переселившихся казаков не имели семьи, были сиротами, доживая свои дни в обители, т. е. это был монастырь-богадельня. Таким образом, к началу XIX в. действовало только два мужских монастыря в северо-восточной и северо-западных частях Северного Кавказа;

2) второй период – 1840-е – 1850-е гг. – связан с созданием двух женских монашеских общин, возведенных затем в степень монастырей 2-го и 3-го классов. Необходимость их создания была продиктована сложившимися политическими обстоятельствами. Первая половина XIX в. была насыщена военными действиями в регионе, результатом которых явилось большое число вдов, сирот и одиноких стариц. В связи с этим появилась в начале Войсковая Черноморская во имя Марии Магдалины общежительная женская пустынь (3-го класса) в 1848 г.⁶ Она располагалась между станциями Тимашевской и Роговской в селе Ма-

линино на реке Кирпили. Пустынь была сословной казачьей обителью, в нее принимали представительниц только казачьего сословия, преимущественно Черноморского-Кубанского войска. Только с разрешения войскового правительства в пустынь могли принять как исключение представительницу другого сословия, «иногороднюю», если она была искусна в разных рукоделиях и в этом нуждалась обитель.

В 1859 г. начал действовать Иоанно-Предтеченский Мариинский общежительный женский монастырь, возведенный в степень 2-го класса⁷. Он находился в трех верстах от Ставрополя. Обитель принимала всех в нее приходящих без сословных ограничений.

Главная цель обеих монастырей – благотворительность. Здесь давали приют и оказывали нуждающимся всяческую помощь. Кроме этого, их деятельность имела широкий спектр: школы, училища, обучение иконописному и золотошвейному делу, подготовка сестер милосердия для работы в госпиталях во время военных действий и т. д.

Необходимо заметить, что, имея степень класса, обе обители не получали положенного по этой степени содержания из государственной казны. Такое положение монастырей региона допускалось российским законодательством⁸, когда степень класса присваивалась номинально, т. е. имела статус престижа. Особенно это относилось к обителям, основанным в административных центрах новых территорий, присоединенных к Российской империи;

3) третий период – 1870-е – 1890-е гг. – связан с укреплением позиций царского правительства в регионе после окончания Кавказской войны и политической стабилизации. О прочности позиции России на Северном Кавказе можно судить по количеству основанных в этот период монастырей. Их было восемь – четыре мужских: Михайло-Афонская Закубанская, Александро-Афонская Зеленчукская нештатные общежительные пустыни, а также Кавказский Николаевский миссионерский нештат-

ный монастырь – в Кубанской области⁹ и Воскресенский Мамай-Маджарский заштатный общежительный монастырь – в Ставропольской губернии¹⁰. Четыре женских: Георгиевская и Покровская нештатные общежительные обители – в Терской области¹¹; Сентинский Спасо-Преображенский и Ново-Покровский нештатный общежительный монастыри – в Кубанской области¹². Две мужские пустыни были основаны иеромонахами с Афона. Уставы, введенные в этих монастырях, повторяли устройство обителей Святой Горы и строго соблюдались на протяжении всего существования. Самым крупным и богатым монастырем Северного Кавказа можно считать Михайло-Афонскую Закубанскую общежительную пустынь.

Все обители рассматриваемого периода, кроме Ново-Покровского, в той или иной степени занимались миссионерской деятельностью;

4) четвертый период – 1900–1917 гг. – характеризуется тем, что в это время создавались небольшие монашеские обители, как мужские, так и женские. Мужские утверждались сразу как монастыри, а женские – вначале как монашеские общины, некоторые из них со временем возводились в разряд монастырей. В рассматриваемый период было создано восемь обителей, и один Крестовоздвиженский мужской монастырь был преобразован в женский. Мужские обители: Второ-Афонский Успенский близ Пятигорска и Свято-Троицкий возле Владикавказа – в Терской области; Казанский – недалеко от Екатеринодара – в Кубанской области¹³; Свято-Троицкий близ деревни Лесной по дороге на Красную Поляну – в Черноморской губернии¹⁴. Женские: Свято-Троицкая – Серафимовская община в Нальчинском округе и община во имя Анны Кашинской близ Грозного – в Терской области¹⁵; Иверско-Алексеевская община недалеко от посада Туапсе – Черноморской губернии¹⁶, Казанский Агафодоров монастырь – в Ставропольской губернии.

Все созданные с конца XVIII – начала XX в. обители Северного Кавказа были заштатными и не получали из государственной казны денег на свое существование. Поэтому хозяйственная деятельность для них являлась важнейшей, а порой приоритетной, для того чтобы содержать себя своими средствами.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что создание монастырей на Северном Кавказе зависело главным образом от политической ситуации в регионе, доброй воли военной и гражданской власти. Основание монашеских обителей также свидетельствовало о стабилизации обстановки и прочности позиций России на Северном Кавказе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Амвросий (Орнатский), иеромонах.* История Российской иерархии. М., 1801–1815. Т. 1–6; *Ратшин А., свящ.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852.

² *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи: В 3 т. СПб., 1890–1897; *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908; *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

³ *Серафим, игумен.* Древнехристианские храмы и Св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь Кубанской области Баталпашинского отдела.

⁴ *Воскресенский А.* Черноморская Екатерино-лебяжеская Николаевская общежительная пустынь Кубанской области (Из путевых заметок паломника). Нижний Новгород, 1909; *Он же.* Ново-Покровский женский монастырь в Кубанской области (Из путевых заметок паломника). Сергиев Посад, 1910; *Он же.* Святой Фавор Северного Кавказа – Спасо-Преображенский женский монастырь на р. Теберде, в Кубанской области (Из путевых заметок паломника). Одесса, 1910.

⁵ 1ПСЗ. Т. 16. 26 февраля 1764. № 12060.

⁶ 2ПСЗ. Т. 23. 11 декабря 1848. № 22812.

⁷ Обзор учреждения в России православных монастырей / Сост. Н. Григорович. СПб., 1869. С. 128.

⁸ Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству / Сост. Я. Ивановский. СПб., 1900. С. 12.

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1531. Л. 15.

¹⁰ Извлечения из Всеподданнейшего отчета Обер-Прокурора Св. Синода по ведомству православного вероисповедания за 1884 г. СПб., 1885. С. 231.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1766. Л. 7–7об.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2239. Л. 5об.

¹³ ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 701. Л. 4–4об.

¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 70. II отд. 3 стол. Д. 190. Л. 19–19об.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2782. Л. 10об.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 247. Л. 4.